

Эта картина потом долгие годы не уходила из глаз и сердца Мо Чжоу. Он вспоминал её после побед, вспоминал после ранений. Казалось, достаточно подумать о ней — и разорванные раны на теле начинают медленно стягиваться, покрываться коркой, а боль сменяется зудом заживления.

Под круглой луной северная пустыня тонула в песчаном ветре. Стоило выйти из шатра — и через минуту лицо покрывалось пылью, а рот был полон песка. Поэтому солдаты собирались внутри, вокруг костра, спасаясь от огромного перепада между дневной и ночной температурой.

Среди них были и старые, и молодые, со всех концов страны. Когда молодые мужчины собирались вместе, чаще всего говорили о женщинах. Те, кто постарше, вспоминали жён, детей и родителей. В конце концов, человек и живёт ради этих привязанностей.

В лагере был один мальчишка ещё младше Мо Чжоу. Родители умерли, а дома у него оставалась только старшая сестра, которую отец с матерью когда-то взяли в семью как будущую невесту для сына. Каждый раз, когда разговор заходил о свадьбах и детях, лицо подростка, и без того красное от ветра и солнца, становилось ещё краснее. Он запинаясь и говорил, что после войны первым делом вернётся домой и женится.

Постепенно разговор переключился на Мо Чжоу, который всё это время молчал, смотрел на поднимающееся пламя, иногда подбрасывал полено, а сам будто витал мыслями где-то далеко.

— Сяо Мо, до армии у тебя была девушка, которая нравилась? — с хитрой улыбкой спросил старый солдат. Ему хотелось хоть раз увидеть, как этот необычайно серьёзный для своего возраста юноша проявит мальчишескую неловкость.

Его спросили о девушке, но первым в голове Мо Чжоу возникли кошачьи глаза Цзэн Цинхуаня, сиявшие ярче луны. Будто зачарованный, он снова увидел ту сцену прощания под лунным светом и невольно сказал:

— У него глаза, перед которыми меркнет лунный свет.

Эта нарочито литературная фраза вызвала громкий хохот по всему шатру.

Самые ехидные ветераны потом при каждой встрече поддразнивали Мо Чжоу этими словами.

Мо Чжоу не спорил. Просто каждый раз, когда они повторяли фразу, он ещё сильнее скучал по Цзэн Цинхуаню.

Во всём, что составляло его самого, оставались следы Цзэн Цинхуаня. Приёмы, которыми он убивал врагов, они когда-то отрабатывали вместе. Планы отражения нападения, которые он предлагал командиру, когда-то обсуждал с Цзэн Цинхуанем. Даже сам Мо Чжоу был единственным близким другом Цзэн Цинхуаня.

Но со временем шутки про ту фразу звучали всё реже. Война затянулась. Люди, которые когда-то вместе грелись у костра и болтали, один за другим исчезали. Тех, кто знал эту историю, становилось всё меньше.

И Мо Чжоу становился всё молчаливее.

Недалеко от лагеря было озеро, где солдаты обычно умывались и мылись. Однажды Мо Чжоу пришёл туда и в укрытом деревьями уголке увидел двух солдат, которые брызгались водой. К тому времени Мо Чжоу уже был сотником и не хотел мешать редкой минуте отдыха. Он уже собирался уйти, но вдруг увидел, как двое мужчин поцеловались и, обнявшись, прижались друг к другу.

Двое мужчин...

Мо Чжоу поспешно ушёл мыться в другое место. Но, вернувшись в шатёр, никак не мог выбросить увиденное из головы.

Ночью ему приснился сон. В нём были сияющие глаза Цзэн Цинхуаня. Цзэн Цинхуань стоял в том роскошном сценическом наряде под лунным светом, словно лунный бессмертный, сошедший на землю, и протягивал к нему руки.

На рассвете Мо Чжоу проснулся под недовольными взглядами соседей по шатру и обнаружил неловкое состояние собственного тела. В оцепенении он наконец понял, какие именно чувства испытывает к Цзэн Цинхуаню.

А потом ему стало казаться, что он оскорбил друга.

Как он мог...

Война, в которой участвовал Мо Чжоу, продолжалась три года. Благодаря множеству заслуг его заметил командующий и несколько раз повысил. После окончания кампании Мо Чжоу уже занимал должность военного чиновника пятого ранга.

Командующий ценил таланты. Перед возвращением в столицу он много наставлял Мо Чжоу, особо подчеркнув: вдовствующая императрица и регент сейчас держат в руках огромную власть, так что Мо Чжоу должен научиться терпеть и скрывать острые углы, иначе столь редкий талант может погибнуть в придворной борьбе.

Мо Чжоу верхом на Чжуйюне вернулся в столицу. Получив пожалованные деньги, он первым делом, прямо в запylённых и обветренных доспехах, отправился в труппу, где жил Цзэн Цинхуань.

За три года Цзэн Цинхуань успел стать известным исполнителем. Ему больше не приходилось,

как раньше, изнурительно тренироваться и постоянно получать наказания.

Кошачьи глаза, о которых Мо Чжоу думал день и ночь, теперь были прямо перед ним. Но Мо Чжоу вдруг не знал, что делать. Любое движение казалось осквернением.

Цзэн Цинхуань был мужчиной, таким же талантливым и достойным, как он. Как Мо Чжоу мог позволять себе во сне так унижать его?

— Стал выше. Худее. И загорел. — Цзэн Цинхуань внимательно обвёл взглядом лицо Мо Чжоу.
— Давно не виделись.

Они выпили вина и рассказали друг другу обо всём, что произошло за три года. Когда оба уже опьянели, никто потом не смог сказать, кто первым поддался желанию. Их губы, влажные от вина и покрасневшие, встретились в поцелуе.

На следующее утро Мо Чжоу был красный от стыда. О самой ночи он почти ничего не помнил, но переплетение губ осталось в памяти слишком ясно. Он решил, что, напившись, неосознанно позволил себе оскорбить Цзэн Цинхуаня, и выглядел так, будто готов в любую минуту привязать к спине розги и явиться с повинной.

Цзэн Цинхуань не выдержал и рассмеялся:

— Вообще-то вчера первым тебя поцеловал я.

На лице обычно молчаливого Мо Чжоу будто одновременно опрокинули целую палитру: восторг, растерянность, недоверие, ошеломление.

Они и правда были друзьями, которые всегда думали одинаково. Даже в такой мысли, нарушавшей тогдашние человеческие законы и мораль, их сердца оказались одинаковы.

Мо Чжоу хотел потратить наградные деньги на выкуп Цзэн Цинхуаня.

Но тот отказался: боялся, что Мо Чжоу из-за этого навлечёт на себя гнев вдовствующей императрицы и регента.

Мо Чжоу пока был всего лишь военным чиновником пятого ранга. Перед людьми на вершине императорской власти у него не было ни малейшей возможности сопротивляться.

В итоге Цзэн Цинхуань предложил другой путь. Они подкупили управляющего труппы, и тот переписал Цзэн Цинхуаня под личностью девушки, недавно попавшей в труппу и покончившей с собой через повешение. Затем управляющий сообщил в ведомство, занимавшееся регистрацией населения, что Цзэн Цинхуань умер.

Так позднее и возникла легенда о генерале Мо, который женился на театральной артистке и был безумно ею увлечён.

Разумеется, внешнему миру называли не имя Цзэн Цинхуаня, а имя умершей девушки.

Но история редко запоминает такие мелочи. Как и бесчисленные красавицы рядом с князьями и генералами: о них говорят повсюду, но полные имена почти не сохраняются — всё сводится к «госпоже такой-то из такого-то рода».

Имя Цзэн Цинхуаня потомки нашли в письмах Мо Чжоу к супруге, поэтому и решили, что оно достоверно.

В день свадьбы Цзэн Цинхуань надел тот самый головной убор, который был на нём в ночь, когда они открыли друг другу чувства и который так запомнился Мо Чжоу. Раньше эта вещь казалась Цзэн Цинхуаню символом унижения, но, думая, что именно в таком образе Мо Чжоу вспоминал его снова и снова, он чувствовал в сердце тепло.

Именно этот головной убор теперь хранился в резиденции генерала.

В первую брачную ночь они предстали друг перед другом без всяких прикрас, увидели каждую рану на телах, спрашивали, откуда она появилась, и в глазах обоих смешивались жалость и желание.

Отец и мать Мо никак не ожидали, что давний товарищ сына однажды станет их «невесткой». Они ругали Мо Чжоу за нарушение всех устоев, но одновременно боялись, что правда раскроется. Ведь старое обвинение семьи Цзэн звучало как «неуважение к вдовствующей императрице».

Цзэн Цинхуань понимал их страх и сам предложил поселиться в отдельном дворе. Он продолжал петь и тренировать голос, чтобы окружающие слышали и верили в историю любви генерала с театральной артисткой.

Мо Чжоу видел все уступки Цзэн Цинхуаня. Он сказал, что скоро начнётся новая война, и предложил отправиться вместе.

Цзэн Цинхуань не должен был быть заперт в маленьком дворе. Он был рождён полководцем и должен был вместе с Мо Чжоу прославиться на весь мир.

Пусть не сейчас — когда-нибудь это всё равно должно было случиться.

Когда вдовствующая императрица и регент будут устранены...

Через несколько месяцев Мо Чжоу увёз Цзэн Цинхуаня из столицы, и они вместе с армией направились на север. Цзэн Цинхуань наконец снова мог носить мужскую одежду, скакать верхом рядом с Мо Чжоу через северные пустоши, днём и ночью.

Путь к фронту стал для Цзэн Цинхуаня первым за долгие годы временем настоящей свободы. Он сопровождал Мо Чжоу в качестве военного советника. Они целыми днями были вместе и даже верхом продолжали обсуждать возможные стратегии.

Иногда ночью, когда они уже снимали одежду, Цзэн Цинхуань вдруг отталкивал приближающиеся губы Мо Чжоу и возбуждённо говорил:

— Я понял, как прорвать ту формацию! Можно сначала... потом...

Мо Чжоу терпел неудобство собственного тела, но всё равно садился рядом и продолжал обсуждение. В свете масляной лампы профиль Цзэн Цинхуаня был необычайно красив, а кошачьи глаза сияли.

Мо Чжоу любил именно такого Цзэн Цинхуаня.

Он всегда и должен был быть таким.

Поначалу Цзэн Цинхуань тяжело привыкал к климату и воде военного лагеря, да и навыки боя немного заржавели. Но он учился чрезвычайно быстро. Одна битва за другой закаляли его, и он стремительно наверстал всё упущенное, превращаясь в человека, способного встать рядом с Мо Чжоу на равных.

Старого генерала, поддерживавшего юного императора, в конце концов погубили сторонники регента и вдовствующей императрицы. Перед смертью он передал Мо Чжоу связи с близкими офицерами и приказал очистить двор от предателей и защитить молодого императора.

Так Мо Чжоу наконец стал тем легендарным генералом, чьи бесчисленные военные заслуги вошли в историю, и обрёл силу противостоять придворным фракциям.

А в общении с молодым императором он понял, что тот лишь скрывал способности и вовсе не был неопытным ребёнком, каким его считали.

Мо Чжоу попросил у императора одну награду: когда тот вернёт себе власть, оправдать семью Цзэн, восстановить имя Цзэн Цинхуаня и вернуть ему все военные заслуги, которых тот столько лет был лишён.

Император согласился.

В день, когда они получили тайный указ, обоим показалось, что наконец можно выдохнуть: светлое будущее почти в руках. Они крепко обнялись и уже начали мечтать, где будут наслаждаться спокойной жизнью после установления мира, укрепления императорской власти и ухода из армии.

Пока в очередной битве, от которой зависело будущее всей страны, Мо Чжоу не получил стрелу из засады.

Для него такая рана сама по себе была почти пустяком. Но наконечник оказался смазан смертельным ядом. К ночи лицо Мо Чжоу стало серым, а пульс под ладонью Цзэн Цинхуаня постепенно исчез.

Мо Чжоу смотрел, как Цзэн Цинхуань, который почти никогда не плакал, беззвучно роняет слёзы. Тот не смел рыдать вслух, чтобы солдаты не заметили неладное и не потеряли боевой дух.

— Ты... измени внешность и живи вместо меня. Сейчас нельзя допустить, чтобы армия узнала... Когда всё закончится, с помощью тайного указа восстановишь своё имя... — с трудом произносил Мо Чжоу. — Мы ведь договаривались: вместе станем великими генералами и защитим мир под небом.

Они всегда понимали друг друга без слов. Цзэн Цинхуань и сам прекрасно знал, что хотел сказать Мо Чжоу.

— Я всё понимаю. И о твоих родителях позабочусь. Но Чжуйюнь... Чжуйюнь ест только из твоих рук... — Цзэн Цинхуань будто ухватился за последнюю причину спорить, обвиняя Мо Чжоу в безответственности. Голос дрожал. — Если ты уйдёшь, что будет с Чжуйюнем?..

Но сколько бы Цзэн Цинхуань ни просил, Мо Чжоу всё равно потерял тепло в его объятиях. Тело стало неподвижным и холодным. Только когда дыхание окончательно исчезло, Цзэн Цинхуань смог произнести настоящий вопрос:

— Что будет с Чжуйюнем?

— А что будет со мной?

Но Мо Чжоу больше не мог ответить.

Он остыл.

На следующее утро из шатра вышел «Мо Чжоу», а военный советник, который всегда был рядом с ним, погиб. Официально объявили, что советник закрыл генерала собой, высосал яд из раны и умер от отравления.

Цзэн Цинхуань и Мо Чжоу были слишком близки. Настолько, что никто не заметил подмены.

Только величественный Чжуйюнь упорно отказывался есть траву, которую протягивал ему Цзэн Цинхуань. Он высоко держал шею и смотрел в бескрайнюю песчаную даль, ожидая человека, который никогда больше не вернётся.

Это был умный конь.

Однажды конюх сказал Цзэн Цинхуаню, что если так продолжится, Чжуйюнь умрёт.

Цзэн Цинхуань погладил потускневшую, потерявшую блеск гриву и тихо сказал:

— Он умер. Но ты должен жить ради него. Ты его конь. Не смей быть трусом.

Говорят, лошади понимают людей. Неизвестно, понял ли Чжуйюнь слова Цзэн Цинхуаня, но после этого начал есть корм из его рук и иногда тёрся хвостом о руку, будто признал нового хозяина.

Снова пришла кровавая бойня: дни и ночи смешались, повсюду лежали трупы, кровь текла рекой.

Наконец Цзэн Цинхуань под плотно прилегающей маской срубил голову вражескому полководцу и положил конец этой затянувшейся войне.

Но это была лишь победа на поле боя. В столице его ждала придворная схватка — без видимой крови, зато ещё более жестокая и коварная.

Цзэн Цинхуань верхом на Чжуйюне вернулся в столицу для доклада. Пейзажи по дороге, которыми раньше невозможно было налюбоваться, теперь казались пустыми и ничтожными.

Вернувшись в резиденцию генерала, он предстал перед матерью Мо и встретил самый суровый взгляд в своей жизни.

Она с потрясением спросила:

— Почему это ты?

Все эти годы мать Мо считала, что именно Цзэн Цинхуань сбил Мо Чжоу с правильного пути, лишил его возможности жениться, завести детей и жить как обычный человек. Поэтому относилась к нему холодно, совсем не так, как в детстве.

Но когда правда была рассказана, маленькая исхудавшая женщина крепко обняла высокого Цзэн Цинхуаня. Слезы без остановки падали на доспехи Мо Чжоу, которые были на нём.

— Только... только тебе пришлось слишком многое вынести, дитя... — всхлипывала она.

— Пока в стране мир, а народ живёт спокойно и благополучно, это не страдание, — ответил Цзэн Цинхуань.

Это было их общим с Мо Чжоу желанием — целью, ради которой они неустанно боролись всю жизнь.

Иногда Цзэн Цинхуань думал: если действительно существует следующая жизнь, пусть Мо Чжоу родится уже в мирной эпохе, которую они сами помогли создать. Пусть всю жизнь живёт спокойно, оставаясь тем беззаботным столичным негодником, который дразнит кошек и гоняется за собаками.

А лучше... лучше бы Небо хоть раз проявило милость. Раз уж эта жизнь оказалась такой горькой и им не удалось прожить её вместе, пусть в следующей они снова станут друзьями детства, а потом снова — возлюбленными.

В следующей жизни им хотелось очень долгих лет.

От детства до седых волос. Жить в одной постели и быть похороненными в одной могиле.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949142>